

МОНОГЕНЕЗА ТЕОРИЯ

Авторы: Вяч. Вс. Иванов

МОНОГЕНЕЗА ТЕОРИЯ (от *моно...* и *...генез*), учение о происхождении человеческого языка из одного источника. Преднаучная форма этой теории – разного рода мифологич. и религ. построения, согласно которым в начале существования человечества у него был один язык. Напр., мифологич. представление, содержащееся в древнемесопотамском (ок. 3-го тыс. до н. э.) рассказе о мифологич. времени, когда «весь мир, все люди вместе славили бога Энлиля одним языком [eme-as-àm]», и позднее отражённое в ветхозаветном рассказе о вавилонском смешении языков и в др.-греч. загадке Эдипа (согласно которой у человека был «один язык – голос»). Вплоть до 17 в. в европ. науке бытовало связанное с библейской традицией представление о др.-евр. языке как наиболее древнем языке, к которому могут быть возведены др. языки. Эти донаучные формы М. т. в 18–19 вв. уступили место сравнит.-историч. исследованиям отд. *семей языков*, возможные связи между которыми на том этапе истории языкознания обычно не рассматривались, что было оправдано малой разработанностью истории каждой семьи языков.

Новый этап наступил в нач. 20 в., когда были осуществлены первые опыты синтезирования достижений в области исследования каждой из семей языков. А. Тромбетти (Италия) впервые попытался не только объединить ранее намеченные семьи языков в более крупные группы (позднее названные макросемьями), но и предположил наличие лексич. связей между этими группами, которые, по его мнению, оправдывают М. т. Но Тромбетти недостаточно чётко отделял проблему установления макросемей от теории моногенеза.

Др. форму М. т. выдвинул Н. Я. *Марр*, предположивший в поздних своих работах существование в языке первобытного человека 4 элементов (саль-бер-йон-рош), к которым он пытался свести все слова существующих языков. Хотя этой теории в 1920–30-х гг. следовали многие представители *«нового учения о языке»*, позднее от него отказались все ученики Марра, т. к. ни эта гипотеза, ни некоторые другие, сходные с ней варианты М. т., где предполагалось (вне соотнесения с результатами сравнит.-историч. языкознания) постулирование нескольких исходных слов первичного языка, не могут быть доказаны науч. средствами.

Вариант М. т., более близкий к идеям А. Тромбетти, но учитывавший результаты исследования каждой из семей и макросемей классич. сравнит.-историч. методами, предложил в 1960-х гг. М. *Сводеш*. Сопоставляя языковые семьи Нового и Старого Света, он предположил существование больших макросемей, их объединяющих, а также наличие связей между макросемьями, говорящих в пользу М. т. Являясь создателем *глоттохронологии*, Сводеш указал и на наличие осн. трудностей на пути к науч. обоснованию М. т. Сравнение совр. языков и установленных на их основе семей методами глоттохронологии не позволяло проникнуть в период существенно более отдалённый, чем 10 тыс. лет. Остаётся, однако, неизвестным, были ли темпы изменения обиходного словаря в период, предшествовавший Неолитич. революции (около 10 тыс. лет до н. э.), такими же, как в период обусловленных ею быстрых перемен. В противном случае сравнение языков возможно и для значительно более отдалённых периодов.

Совр. состояние М. т. тесно связано с проблемой происхождения [Homo sapiens](#). Согласно наиболее распространённой точке зрения, звуковой естеств. язык – характерная черта Homo sapiens (возможно, одно из его гл. отличий от предшественников; см. [Глоттогенез](#)). Если (как предполагают мн. антропологи) Homo sapiens появился благодаря единичной мутации в одном месте Земли (150–200 тыс. лет назад в Африке, откуда ок. 100–120 тыс. лет назад он распространился по Зап. Евразии), т. е. имел место моногенез Homo sapiens (см. [Моноцентризм](#)), то вероятен и моногенез языка. Явившаяся результатом уникальной мутации первая особь общалась с др. особями, от неё (возможно, в результате её скрещивания с представителями предшествующего типа предков человека) произошедшими, на языке, являвшемся одним из гл. приспособительных преимуществ, благодаря которому первый Homo sapiens и его потомство начали побеждать при отборе. Биологич. наследование признаков, без которых невозможно владение языком (устройство речевого аппарата, предполагающее развитую фарингальную полость; развитие речевых зон левого полушария, и особенно лобной доли, обеспечивающей сложные синтаксич. построения, и семантич. зон правого полушария), должно было в дальнейшем сопровождаться усвоением языка в каждом следующем поколении. Если расы явились результатом дифференциации Homo sapiens, то осн. расовые различия можно было бы соотнести с формированием тех первоначальных диалектов первичного языка, из которых позднее развились [праязыки](#) осн. макросемей. Согласно альтернативной точке зрения на расообразование, каждая из рас явилась результатом скрещивания одного из ранее существовавших видов человека с потомками первого представителя Homo sapiens. В этом случае тоже можно предположить возможность связи (но более сложной – опосредованной) этого антропологич. процесса с распадом первичного языка на диалекты, позднее обособившиеся. Хотя эта антропологич. картина делает возможной М. т., она не может считаться её обоснованием.

Единственным науч. обоснованием М. т. было бы доказательство единого происхождения всех предполагаемых макросемей, из которых происходят семьи, объединяющие все языки мира. Выявленные сравнит.-историч. языкознанием семьи языков начали объединять в такие макросемьи, как ностратическая (см. [Ностратические языки](#)), лишь в относительно недавнее время, и праязыки некоторых макросемей реконструированы в недостаточной степени. Поскольку время существования таких макросемей, как ностратическая и гипотетич. северо-кавказско-енисейско-сино-тибето-на-дене, лежит между 20-м и 10-м тыс. до н. э., при установлении закономерных отношений между ними можно рассчитывать на реконструкцию праязыка, хронологически близкого ко времени появления Homo sapiens в Европе. Одной из осн. трудностей на пути к выявлению таких отношений, кроме отмеченных М. Сводешом глоттохронологич. ограничений, является и возможность отнесения мн. слов, позднее входящих в обиходный словарь, к числу древних культурных терминов. Напр., индоевропейское *H₂nom̥s ‘имя’, уральское *nime, древнеюкагирское nim ‘имя’ (возводимые к ностратическому) и шумерское inim ‘слово’, тибетское min ‘имя’ (возводимые к сино-тибетскому) восходят к общему термину, который мог отражать древнее мифологич. представление о значимости имён и распространяться по Евразии по мере диффузии этого представления.

В целом М. т. связана с идеей единственности крупного изобретения, которым для первого Homo sapiens мог быть его язык. Но многие из последующих потомков могли делать свои изобретения, касавшиеся отд. слов и их [концептов](#). Диффузия этих отд. мифологич. или технологич. изобретений и обозначавших их терминов может отражаться в единстве соответствующих терминов. Поэтому, напр., одинаковость обозначения лодки в индоевропейских языках и [койсанских языках](#) скорее нужно объяснить как результат диффузии, а не как пережиток. Но и за вычетом таких терминов уже теперь можно указать на наличие ряда очевидных сходств (в

частности, в грамматич. и/или местоименных обозначениях лиц) между осн. реконструированными праязыками макросемей, что говорит в пользу М. т. Её противники часть таких сходств объясняют наличием звукового символизма, делающим возможным обозначение сходных концептов посредством похожих сочетаний фонем, но остаётся выяснить, не связан ли в некоторых случаях механизм этой звуковой символики с единством происхождения всех языков мира (тот же вопрос допустим и в отношении некоторых [универсалий лингвистических](#)).

Противоположная М. т. точка зрения связана с принимаемой некоторыми антропологами идеей нескольких разных центров расообразования и первоначального очеловечения. Но и в этом случае не полностью исключённой остаётся возможность победы на каком-либо раннем этапе истории Homo sapiens одного языка, вытеснившего все другие (если представители разных расовых групп продолжали общаться друг с другом). В этом отношении показательно, что представители монголоидной расы, которую иногда гипотетически сопоставляли с потомками синантропа, говорят на языках, входящих в макросемью (ностратическую, сино-тибетскую), праязыки которых локализуются на Западе (или в Центре), но не на Востоке Евразии, т. е. здесь антропологич. и лингвистич. линии развития явно не соотносятся прямо друг с другом. Поэтому и обоснование точки зрения, обратной М. т., могло бы быть тоже только лингвистическим, следовало бы доказать полное отсутствие древних связей между макросемьями, которые не ограничиваются диффузией отд. терминов. Но в этом случае можно было бы сослаться на глоттохронологию, согласно которой такие ранние связи могут быть достаточно рано стёрты эволюцией языка. Поэтому парадоксальным образом эту точку зрения, обратную М. т., доказать ещё труднее, чем саму теорию монозенеа.

Литература

Лит.: Trombetti A. Elementi di glottologia. Bologna, 1922–1923. Pt. 1–2; Rosenkranz B. Der Ursprung der Sprache: ein linguistisch-anthropologischer Versuch. 2. Aufl. Hdlb., 1971; Алексеев В. П. Очаги расообразования: антропология и история // Природа. 1973. № 5; он же. География человеческих рас. М., 1974; Language origins. Silver Spring, 1974; Origins et evolution of language and speech. N. Y., 1976; Décsy G. Sprachherkunftsforschung. Wiesbaden, 1977. Bd 1; Иванов Вяч. Вс. Об одной древневосточной параллели к загадке Сфинкса-Эдипа // Структура текста-81. Тезисы симпозиума. М., 1981; Glossogenetics: the origin and evolution of language. Chur; N. Y., 1983.